

Дворница

A photograph of a woman and a young child walking away from the camera on a paved path in a residential courtyard. The woman, on the left, is wearing a dark jacket, dark pants, a brown knit hat, and a bright orange high-visibility safety vest with reflective silver stripes. She is holding a blue-handled broom. The child, on the right, is wearing a dark blue puffy winter coat, dark pants, and a striped knit hat. The child is holding a small object in their right hand and a blue toy car in their left. The ground is covered with fallen brown leaves. In the background, there is a large, multi-story brick apartment building with many windows. A silver car is parked on the right side of the path. The sky is overcast.

Adi Riel

Adi Riel

Дворница

«Автор»

2026

Riel A.

Дворница / А. Riel — «Автор», 2026

Первое что она помнила, был не мамин голос, а скрип метлы по мокрому асфальту. Мать-одиночка, педагог по образованию, приехавшая в Петербург без гражданства и без права на другую работу, кроме дворника, растит дочь между дворами, миграционным бюро и тихой, невысказанной верой в её будущее. Даша вырастает отличницей, музыкантшей, гимнасткой — а потом мощным, авторитетным юристом. Но однажды, на пике карьеры, она без объяснимой причины сама берёт в руки метлу — и три года тайно метёт улицы на рассвете, прежде чем ехать в офис. Это история о благодарности без обиды, о звуке, который живёт на подсознании всю жизнь, и о том, что тело иногда помнит то, что разум давно простил.*Пронзительная, честная повесть о цене и цене справедливости — своей и чужой.*

© Riel A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Раннее детство	6
II. Двор как книга	7
III. Восемь лет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Adi Riel

Дворница

повесть

Первый звук, который она помнит — не мамин голос, не колыбельная, не скрип двери. Это звук метлы по мокрому питерскому асфальту. Ш-ших. Ш-ших. Ровный, ритмичный, как чужое дыхание, к которому притираешься, пока оно не станет твоим собственным.

Даша родилась в чужом для этого города ритме и выросла внутри него.

Её мама приехала в Петербург из одной из постсоветских республик — туда её родителей когда-то пригласили как специалистов, там прошло её детство, там она выучилась на педагога. Но в девяностые обострился национальный вопрос, и в какой-то момент оставаться стало не то что тяжело — стало страшно за будущее, которого у русской семьи там уже не было.

Мужа рядом к тому времени уже не было — он ушёл раньше, задолго до отъезда, и мама привыкла справляться одна. А потом, один за другим, с разницей в несколько месяцев, ушли из жизни оба её родителя — и держаться за место, где не осталось ни семьи, ни будущего, стало не для чего. Мама уехала одна, без мужа, без родителей — уехала не столько от чего-то, сколько ради дочери, ради того, чтобы у этой ещё не рождённой жизни было хоть какое-то будущее.

В Петербурге у матери с педагогическим дипломом и без прописки не было ничего, кроме готовности работать руками. Единственное, что давало жильё — пусть служебное, пусть комнату в тесном флигеле — это должность дворника. Так учительница литературы стала человеком с метлой в четыре утра.

I. Раннее детство

Даша не помнит момента, когда впервые оказалась во дворе рядом с матерью — она была там всегда, столько, сколько себя помнит. Сперва просто сидела на бордюре, закутанная, и смотрела, как мама двигается вдоль дома — взмах, шаг, взмах, шаг. Потом, лет с пяти, начала помогать сама: сначала носила совок, потом — маленькую метлу, подобранную ей по росту.

Звук метлы был для неё первым в жизни языком безопасности. Пока он звучал — мама рядом, мама жива, мама здорова, всё в порядке. Тело училось этому раньше, чем ум успевал что-то понять.

Была одна ночь — вернее, раннее утро — которое Даша пронесла через всю жизнь. Ей было три или четыре года. Мама мела в стороне, а она рылась в куче мусора у бордюра — не потому что хотела, а просто из детского любопытства — и нашла конфету. Обёртка была немного помята, но конфета цела. Даша тихо развернула её и начала есть — аккуратно, чтобы мама не заметила.

Мама заметила.

— Что ты ешь? — спросила она, подойдя.

— Ничего, — сказала Даша.

— Скажи мне, пожалуйста.

Строгость в голосе матери выбила из неё правду быстрее, чем что-либо другое могло бы. Даша призналась. И мама заплакала — сильно, обняла её, прижала к себе прямо там, среди мусорных куч и бетона, и молчала долго. А вечером купила ей несколько видов конфет — по сто граммов каждого сорта, хотя денег в те месяцы не было ни на что.

Даша ела их скромно, по одной, не съела всё сразу. И это были последние конфеты, которые она по-настоящему ела в своей жизни.

Что-то в ней тогда переключилось — щёлкнуло, как тумблер. Ребёнок сам, без чьей-либо подсказки, решил: тяга к сладкому — это слабость, которая может унижить и подставить. С этого дня она просто перестала любить конфеты — не назло себе, не через силу, а как-то естественно, будто внутри выросло тихое, почти безразличное сопротивление к ним. Предложат — откажется. Не потому что запрещает себе, а потому что не хочет.

II. Двор как книга

К шести-семи годам Даша знала весь свой мир — три двора, пятнадцать домов — как знают наизусть любимую книгу. Она знала жильцов по именам, по профессиям, по привычкам. Знала, кто выезжает в семь пятнадцать и вечно опаздывает, кто спорит с женой у машины о том, кому вести ребёнка в сад, а кому — бежать на работу. Знала, какие окна загораются первыми, а какие — не гаснут до утра.

Она не подслушивала специально — просто смотрела и запоминала, потому что была устроена так: любопытство к людям было у неё врождённым, как цвет глаз.

Иногда, глядя, как соседских детей после школы разводят по кружкам и секциям, она чувствовала что-то похожее на голод. До семи лет у неё самой не было ничего — только двор и метла. Не потому, что мама не хотела дать ей больше. Просто у матери без нормальной прописки не было возможности записать ребёнка даже в самый простой кружок. Даша это понимала — и всё равно, каждый раз, глядя вслед чужим детям с сумками для бассейна или скрипичными футлярами, что-то в ней сжималось.

Были и другие, более взрослые тревоги, вплетённые в детство без спроса: очереди в миграционном бюро, бумаги, штампы, продление патента — то, без чего у них с матерью просто не было бы права находиться в этом городе. Даша не понимала юридических тонкостей, но прекрасно улавливала главное: их присутствие здесь было чем-то, что нужно было каждый раз заново доказывать и подтверждать.

III. Восемь лет

Один эпизод Даша будет помнить с особенной остротой. Ей было около восьми, когда мама тяжело заболела — редкий случай, но в тот раз серьёзный. Заменить её было некому, а невыход означал не просто потерю дня — это могло означать вопросы, проверки, разговор с органами опеки: одинокая мать не справляется одна с ребёнком. Этого мама боялась больше всего на свете.

И тогда Даша, восьмилетняя, стала выходить вместо неё — вечером, в темноте, чтобы никто не увидел ребёнка с метлой вместо взрослого. Она убирала мамину территорию тайно, чтобы к утру всё было чисто, будто ничего не произошло.

В такие вечера звук метлы звучал иначе, чем в детстве. Не колыбельная — тревога. Каждый взмах теперь был не про близость к матери, а про риск: вдруг увидят, вдруг узнают, вдруг заберут. Метла, бывшая опорой, впервые стала грузом, который она несла сама.

Был и другой эпизод, чуть раньше, лет в семь, ещё до школы — короткий, но именно он, как позже она поймёт, вбил в неё одно конкретное слово так глубоко, что оно всплывёт спустя десятилетия одним детским криком на даче.

Они с мамой убрали двор, как обычно, ранним утром. Мимо шёл мальчик с матерью — та вела его за руку, явно уже отчитав за что-то, мальчик был взвинчен и капризен. Он на ходу бросил на землю фантик или упаковку — не глядя, просто уронил.

Даша, привыкшая к чистоте своего двора как к чему-то само собой разумеющемуся, сказала — спокойно, без злости:

— Мальчик, подними, пожалуйста, мусор.

Его мать, услышав, тоже посмотрела на сына и строго повторила:

— Подними, я сказала.

Но мальчик, и без того взвинченный, вместо того чтобы подчиниться, вдруг закричал — громко, с той особой детской жестокостью, что не понимает своей меры:

— Пусть дворница подбирает! Пусть она убирает, она для этого и нужна!

Мама промолчала. Даша тоже ничего не ответила — наклонилась и молча подняла фантик сама. Но что-то в этом слове — не в самом факте уборки, а именно в том, как оно было брошено, как приговор, как обозначение места, — засело в ней глубже, чем она сама тогда осознавала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.